

DOI: 10.31857/S032103910022271-1

TERRITORIUM: СЮЖЕТ ИЗ ИСТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО СТРОЯ В ГОРОДАХ ИСПАНИИ V–VII вв.

О. В. Ауров

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: olegaurov1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0755-9902

В статье на материале истории сельской округи (*territorium*) городов римской Испании V–VII вв. рассматривается проблема преемственности форм социальной организации, сложившихся в рамках античных муниципальных общин. Особое внимание уделено эволюции понятийной системы. Подчеркивается, что деструктивные процессы V–VII вв., следствием которых стало исчезновение ключевых муниципальных институтов (курий, народных собраний, магистратур), практически не затронули *territorium*. В условиях, когда место гражданской общины полисного типа окончательно заняла церковная, унаследовавшая ряд черт и функций римской муниципальной организации, округа-*territorium* сохранила прежний облик, административные функции и уклад экономической и социальной жизни, в том числе формы освоения пространства и организации системы землевладения, а также традицию собраний (*conventus*) сельских жителей (*vicini*). Деятельность таких собраний являлась естественным следствием коллективизма, свойственного муниципальной организации: процесс принятия решений должен был обязательно происходить публично (*publice*). Распространение христианства стало дополнительным фактором, способствовавшим укреплению этой традиции. Ситуацию не изменило и расселение варваров, которые достаточно органично вписались в позднеримскую систему землевладения и социальной организации в качестве новой военной элиты.

Ключевые слова: *territorium*, римская Испания, муниципий, *vicini*, Великое переселение народов, сельская община, *conventus*

Данные об авторе. Олег Валентинович Ауров – кандидат исторических наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Российского государственного гуманитарного университета.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

TERRITORIUM: A STUDY IN THE HISTORY OF THE MUNICIPAL SYSTEM IN THE CITIES OF HISPANIA, 5th–7th CENTURIES

Oleg V. Aurov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia;
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia**E-mail: olegaurov1@yandex.ru**Acknowledgements: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
grant no. 075-15-2022-326*

The article is devoted to the history of rural area (*territorium*) of the cities of Roman Hispania of the fifth – seventh centuries AD with a special attention to the evolution of the terminology and to the continuity of social institutions formed in the system of ancient municipal communities. It is emphasized that the destructive processes of the fifth – seventh centuries and the disappearance of the main municipal institutions (*curiae, comitia, magistracies*) did not touch the *territorium*. In the situation of replacement of the Roman municipal community by the ecclesiastical community the *territorium* preserved its ancient configuration, administrative functions and the forms of economic and social life, including the forms of space development, land property organization and meetings (*conventus*) of the rural population (*vicini*). The activity of these *conventus* was a natural consequence of the municipal collectivism, which requires that the decision-making process had to be done publicly (*publice*). The spread of Christianity with its collectivistic values became an additional factor which increased this tendency. The Barbarian settlement in the fifth century did not change the situation, since the Barbarians fitted into the Late Roman system of landowning and into the social organization of Roman Hispania like a new military elite.

Keywords: territorium, Roman Hispania, municipium, vicini, the Great Migrations period, rural community, conventus

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Это исследование посвящено истории *territorium* – сельской округи городов римской Испании V – начала VIII в. Следует подчеркнуть, что характерная для полисной системы власть города над его сельской округой, составлявшей с ним единое целое в административном плане, сохранялась в городах Испании на протяжении длительного периода: всего Средневековья и далее, вплоть до конца Раннего Нового времени, – и окончательно ушла в прошлое лишь во второй трети XIX в.¹ Вопрос о том, в какой степени эта реалья испанской городской жизни может быть связана с античным прошлым Пиренейского полуострова, активно обсуждается по меньшей мере с XVIII в., когда он был впервые поставлен в трудах эрудитов², определивших испанские средневековые институты городского управления как «муниципальные», и продолжен в исследованиях медиевистов XIX–XX вв.

¹ Yurchik *et al.* 2014, 349–351.

² См., например, de Asso y del Rio, de Manuel y Rodríguez, I–XXV.

Естественным образом основное внимание последних было сосредоточено на эпохе V — начала VIII в., переломном периоде в истории испанских провинций Западной Римской империи, преемниками которой на Пиренейском полуострове и в Юго-Западной Галлии стали Тулузское (418—507) и Толедское (507—711/720) королевства вестготов. И хотя в современной литературе окончательно восторжествовали представления о прямой преемственности римского и вестготского периодов испанской истории³, об истории конкретных институтов, в том числе об исторических судьбах римских муниципальных учреждений в Испании, до сих пор продолжается активная дискуссия. Наиболее крайние точки зрения зафиксированы в работах, с одной стороны, романистов (историков права) XIX в.⁴, а с другой — их оппонентов-«германистов» (Э. Перес Пужоль⁵, Э. де Инохоса⁶, К. Санчес-Альборнос и др.). Так, Санчес-Альборнос уверенно констатировал окончательную гибель муниципальных учреждений к концу вестготской эпохи⁷.

Не претендуя на полное и окончательное решение всего этого комплекса проблем, затрону лишь один из аспектов, связанный с системой понятий, частью которой стал латинский термин *territorium* в его историческом развитии. С. Мартен, достаточно подробно рассмотревшая использование этого термина в вестготскую эпоху, изначально исходит из представления о ранней гибели муниципального самоуправления в городах Испании и не касается его истории⁸. Между тем уязвимость этого подхода состоит прежде всего в том, что период IV—VI вв. вовсе не был временем тотального упадка испанских городов: в то время как одни города испытывали кризис, другие сохраняли свое значение, а подчас и процветали⁹. Рассматривая период VI—VII вв. как прямое продолжение периода Поздней античности в широком смысле¹⁰, сторонники этой точки зрения уделяют значительное внимание проблеме преемственности системы местного управления, а также роли церковных учреждений в городе и его округе как преемника муниципальных институтов¹¹. При этом, однако, непосредственного внимания проблеме изменений в системе власти в рамках *territorium* (в отличие от собственно города) не уделяется, и вопрос остается открытым. Настоящая работа призвана заполнить этот пробел.

2. СЕЛЬСКАЯ ОКРУГА (TERRITORIUM) И ГОРОДА РИМСКОЙ И ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ ДО КОНЦА VII в.

Прежде всего, факт неразрывной связи понятия *territorium* с гражданской общиной римского времени явствует уже из определения, данного в середине II в.

³ См., например, Collins 2005; Díaz *et al.* 2007; Sanz Serrano 2009, 143—599; Arce 2017.

⁴ См., например, Herculano 1875, 25—170; 1911, 187—188.

⁵ Pérez Pujol 1896, 259—318.

⁶ Hinojosa y Naveros 1903.

⁷ Sánchez-Albornoz 1965, 615—637; 1966; 1971, 113—130.

⁸ Martín 2003, 26, 32—40. См. также Salvador Ventura 1990, 409—422; Martí 1995, 37—83; Lauwers 2008, 23—65.

⁹ Díaz 2000, 10.

¹⁰ Brown 1971.

¹¹ Díaz 2000, 25—35; García Moreno 1999, 7—23.

римским юристом Секстом Помпонием: «Territorium – это совокупность полей в пределах какой-либо гражданской общины; некоторые говорят, что это слово названо так оттого, что магистраты данного места в пределах его границ обладают правом изгнания (*terrendi*), то есть правом удалять кого-либо (отсюда)» (пер. Л.Л. Кофанова)¹². На тесную связь *territorium* с муниципальной организацией римского времени указывает и красноречивое соседство приведенного определения в отрывке из «Пособия» (*Enchiridium*) Помпония с такими понятиями, как *incola* (местный житель, лицо, обладающее местным гражданством), *munus publicum* (общественная повинность), *advena* (чужак, пришлый человек), *decuriones* (декурионы), но в первую очередь, разумеется, *urbs* и *oppidum* (*D.* 50. 16. 239. 2–7). Очевидно, что в конечном итоге все они связаны с институтом муниципия-*civitas*, на что обращается внимание и в литературе по проблеме¹³.

Отсутствие понятия *territorium* в текстах муниципальных законов (в том числе муниципального закона Флавиев, который в 70 г.н.э. был пожалован городам испанской провинции Бетики¹⁴), вероятно, свидетельствует о том, что в период создания Помпонием его «Пособия» слово еще только утверждалось в римском правовом лексиконе. Но по прошествии нескольких десятилетий, в конце II – первой трети III в., этот процесс уже, несомненно, завершился. К этому времени слово *territorium* прочно вошло в лексикон римских юристов¹⁵. Самый поздний пример такого рода отмечается в сочинении юриста Аврелия Аркадия Харизия, современника императора Диоклетиана¹⁶. К этому времени исследуемое понятие прочно утвердилось и в императорском законодательстве¹⁷. Постановления IV – начала VI в. адресованы по преимуществу должностным лицам восточных провинций Империи¹⁸; две конституции – проконсулу Африки¹⁹.

¹² *D.* 50. 16. 239. 8 (Pomp. *l.s. enchir.*): “Territorium” est universitas agrorum intra fines cuiusque civitatis: quod ab eo dictum quidam aiunt, quod magistratus eius loci intra eos fines terrendi, id est summovendi ius habent.

¹³ Curchin 1985, 327–343; 1990, 118; Kulikowski 2010, 14; Rodríguez Gutiérrez 2019, 158–187.

¹⁴ См., например, об этом González, Crawford 1986, 147–253; Torrent 2017, 153–242.

¹⁵ *D.* 2. 1. 20 (Paul. 1 *ad ed.*); 10. 1. 7 (Modest. 11 *pandect.*); 30. 41. 5 (Paul. 21 *ad Sab.*); 47. 12. 3. 4 (Ulp. 25 *ad ed.*); 50. 12. 8 (Ulp. 3 *de off. cons.*); 50. 15. 4. 2 (Ulp. 3 *de cens.*).

¹⁶ *D.* 50. 4. 18. 25 (Arc. Charis. *l.s. de muner. civil.*).

¹⁷ *C. X.* 40. 3 (sine anno, Imppp. Diocletianus et Maximianus AA. Alexandro); *CTh.* XIII. 1. 18 (30.06.400, Arcad. et Honor.).

¹⁸ *C. X.* 40. 3 (s.a., Imppp. Diocletianus et Maximianus AA. Alexandro); XI. 59. 1 (s.a., Imp. Constantinus A. Capestrino); XI. 59. 7. 2 (a. 386, Imppppp. Gratianus, Valentinianus, Theodosius, Arcadius AAAA. Cynegio pp.); XI. 58. 4 (a. 393, Impppp. Theodosius, Arcadius et Honorius AAA. Rufino pp.); VIII. 11. 12 (a. 396, Imppp. Arcadius et Honorius AA. Caesario pp.); X. 77. 1 (a. 409, Imppp. Honorius et Theodosius AA. Anthemio pp.); XI. 60. 2 (a. 423, Imppp. Honorius et Theodosius AA. Asclepiodoto pp. et consuli ordinario); I. 5. 8. 4 (a. 455, Imppp. Valentinianus et Marcianus AA. Palladio pp.); I. 3. 28. 4 (a. 468, Leo A. Nicostrato pp.); XI. 70. 6 (a. 480?, Imp. Zeno A. Aeliano pp.); II. 58. 2. 10 (a. 531, Imp. Iustinianus A. Iuliano pp.); VIII. 14. 7 (a. 532, Imp. Iustinianus A. Iohanni pp.).

¹⁹ *C. X.* 32. 53 (a. 412, Imppp. Honorius et Theodosius AA. Eucharis proconsuli Africae); XI. 59. 16 (a. 429, Imppp. Theodosius et Valentinianus AA. Celeri proconsuli Africae).

Испанские материалы этого времени явно свидетельствуют о том, что определение *territorium*, данное Секстом Помпонием, соответствовало реалиям не только восточных, но и западных провинций империи. Так, в эдикте вестготского короля Эвриха (476 г.), составленном по образцу эдиктов префектов претория Галлий²⁰, *territorium* как неотъемлемая часть *civitas* фигурирует в связи с фиксацией результатов разделов земель между готами и испано-римлянами (*CodEur.* 304)²¹.

Определяющая роль *territorium* в организации землевладения горожан и жителей округа прослеживается и в дальнейшем. Об этом свидетельствуют самые разнообразные источники. В частности, в королевском законодательстве информацию такого рода содержит закон *LI. X. 1. 7*, изданный не позднее конца VI в., а потому маркированный авторами кодификации как «древний» (*antiqua*). О том же говорят и данные документов (главным образом, дарственных) середины – второй половины VI в. из собрания пиренейского монастыря св. Мартина в Асане. Из них следует, что, несмотря на изъятие значительных фондов муниципальных земель в результате разделов между вестготами и испано-римлянами²², муниципальная хора с расположенными в ее пределах усадьбами-*villae*²³ в целом не претерпела существенных изменений. Несколько позднее (в начале VII в.) в языке вестготских формул именно к *territorium* привязано местонахождение земельных владений, которое надлежало обозначить в тексте завещания²⁴. В самом конце VII в. в соборных постановлениях мы видим *territorium* в сходном контексте, в одном ряду с расположенными в его пределах сельскими поселениями – *villul(a)e* и *vici*²⁵.

С учетом сказанного вполне естественным выглядит тот факт, что и у Исидора Севильского в начале VII в. *territorium* – это пространство с четкими границами, обозначенными на местности бороздами – точно так же, как и пределы расположенных в этих границах частных владений²⁶. Четкость этих границ – одна из причин, объясняющих использование отсылки к соответствующим *territoria* для локализации не только мест расположения земельных участков, но и пределов юрисдикции властных учреждений.

²⁰ D’Ors 1960, 6–8. Здесь и далее ссылки на эдикт Эвриха (*CodEur*) приводятся по этому изданию.

²¹ Текст закона дошел лишь в виде разрозненных отрывков. В «Книге приговоров» его заменил закон *LI. X. 1. 8 (Antiqua)*. Здесь и далее *Liber iudiciorum sive Lex Visigothorum* используется в издании К. Цеймера (Zeumer 1902, 33–456).

²² См., например, D’Ors 1960, 173–184.

²³ См., например, *Chart. Visigoth. d’Asán*. Doc. 1 (23.12.522); Doc. 2 (29.09.551); Doc. 4 (04.02.576); Doc. 6 (13.12.586). Здесь и далее документы этого монастыря приводятся по: Martin, Larrea Conde 2021. См. также: García Moreno 1989, 263–266.

²⁴ См., например, Isid. *Etym.* XV. 15. 1.

²⁵ См., например, *Conc. Tolet.* XII (a. 681) (Vives et al. 1963, 383; здесь и далее соборные постановления приводятся по этому изданию).

²⁶ Isid. *Etym.* XIV. 5. 22 : *Territorium autem vocatum quasi tauritorium, tritum bubus et aratro. Antiqui enim sulco ducto et possessionum et territoriorum limites designabant.*

3. АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ TERRITORIUM ВЕСТГОТСКОЙ ЭПОХИ:
ТЕНДЕНЦИЯ К «ХРИСТИАНИЗАЦИИ» ВЛАСТИ

Значимость *territorium* как ключевого элемента «географии власти» (С. Мартен) в вестготский период четко прослеживается в королевском законодательстве, где сельская округа выступает как территория, в пределах которой действовал целый ряд должностных лиц. При этом уже законы первых десятилетий VII в. свидетельствуют о росте влияния епископата на местные судебные и фискальные институты, что в полной мере соответствовало общей тенденции к христианизации власти и ее роли в процессе эволюции античной гражданской общины полисного типа и ее превращения в общину церковную во главе с епископом, унаследовавшим ряд значимых полномочий римских магистратов²⁷.

Показательно, в частности, что издавая постановление, касающееся статуса рабов-христиан, проданных или отпущенных на волю их хозяевами-иудеями, король Сисебут (612–621) адресуется не только судьям-*iudices* (т.е. по существу всем категориям светских должностных лиц), но и епископам, главам местных христианских общин, причем последние, в отличие от первых, частично названы поименно: «Агапию, Цицилию и другому Агапию». Наряду с судьями, архиереи выступают в качестве должностных лиц, облеченных полномочиями в сфере судопроизводства, тогда как сфера их действия определяется пределами *territoria* конкретных населенных пунктов. В законе перечислены их названия, которые хорошо известны и по эпиграфическим источникам²⁸.

В рамках *territorium* осуществлялось не только судопроизводство, но и налогообложение, о чем прямо говорит Исидор Севильский²⁹. В полном соответствии с этим закон его старшего современника, короля Реккареда Католика (586–601), сообщает о взимании в границах *territorium* анноны, одного из главных платежей как периода поздней античности, так и указанного времени³⁰. В связи с взысканием анноны в соответствующем контексте фигурируют также десятник, сотник и тысяцкий (тиуфад), изначально — должностные лица, наделенные командными полномочиями в королевском войске, а также комит города, представлявший в нем королевскую власть³¹.

Отдельная проблема — роль *territorium* как судебного округа, сферы действия должностных лиц, наделенных судебными полномочиями. Тем более что в системе управления, не знавшей деления власти на исполнительную и судебную, судебными полномочиями разного уровня как в римскую, так и в вестготскую эпоху наделялись едва ли не все должностные лица, *ex officio* обладавшие

²⁷ См., например, Martin 2003, 191–203; Kulikowski 2010, 215–255, 287–298; Birkin 2020, 144–150.

²⁸ *LI. XII. 2. 13* (Sisebut.). См. также *LI. II. 2. 7* (Chind.). Zeumer 1902, 418, n. 4–12.

²⁹ Isid. *Etym.* XVI. 18. 7: *Tributa vero, eo quod antea per tribus singulas exigebantur, sicuti nunc per singula territoria*; *LI. IX. 2. 1* (Antiqua); *IX. 2. 3–5* (Antiquae). См. также об этом García Moreno 1974a, 24–25.

³⁰ *LI. XII. 1. 2* (Recc.).

³¹ *LI. IX. 2. 1* (Antiqua); *IX. 2. 3* (Antiqua); *IX. 2. 4* (Antiqua); *IX. 2. 5* (Antiqua).

сколь-нибудь значимыми административными и/или военными прерогативами: от короля³² до комита города и тиуфада³³.

Territorium как область осуществления властных полномочий различных категорий iudices, т.е. как судебный округ, упоминается в королевских законах с конца V – конца VI в. (так называемые Antiquae) до конца VII столетия – времени правления короля Эрвигия (680–687)³⁴ и его преемника Эгики (687–700/701)³⁵. Причем в ранний период в ряде случаев эти должностные лица фигурируют наряду с комитами городов (представителями короля в городе) как их подчиненные, викарии³⁶. Иных видимых изменений механизмов власти на уровне города не фиксируется до середины – второй половины VII в.³⁷

Вероятно, эти изменения накапливались постепенно и проявились лишь начиная с периода правления короля Хиндасвинта (642–653)³⁸, последнего, в чьем законодательстве еще упоминаются куриалы³⁹. Законы этого короля, в которых фигурируют iudices и territorium, не содержат видимых новаций по сравнению с материалами предшествующего периода. Но еще несколькими десятилетиями ранее, в конце V – конце VI в., когда издавались Antiquae, как в королевском законодательстве⁴⁰, так и в соборных постановлениях⁴¹ наметилась крепнущая тенденция к сосуществованию в пределах городской округи властных (и судебных) полномочий iudices и епископов.

Последние, будучи главами местных общин-епархий, изначально объединявших население города (к этому времени уже полностью или почти полностью христианское), в конце VI в. законом короля Реккареда по своим полномочиям фактически заменили народные собрания горожан и жителей округи. Вместе с тем, церковная община еще долго сохраняла генетическую связь с традициями муниципальной жизни римского времени. Среди прочего отмеченная тенденция проявлялась в самом участии епископов в ежегодном избрании муниципальных магистратов, нумерариев и дефенсоров⁴², регламентированном упомянутым законом короля Реккареда⁴³. Правда, иных примеров такого рода источники не упоминают, а другие свидетельства укрепления авторитарных начал в характере епископской власти в VI в. и вытеснения в тот же период местной гражданской общины (populus) из сферы принятия решений отсутствуют. Тем не менее,

³² См., например, Marongiu 1953, 677–715; Krinitsyna 2010, 8–27.

³³ См., например, Martin 2003, 151–159, 161–165.

³⁴ *LI. IV. 4. 1 (Antiqua); IV. 4. 4. (Antiqua); IX. 1. 6 (Antiqua); II. 1. 18 (Chind.); II. 2. 7 (Chind.); II. 4. 5 (Chind.); VI. 3. 7 (Chind.); XII. 1. 2 (Recc.); XII. 3. 7 (Erwigius).*

³⁵ См., например, *LI. II. 1. 7 Nov. (Egica).*

³⁶ *LI. III. 6. 1 (Antiqua); VII. 1. 5 (Antiqua).*

³⁷ Эту дату указывает и С. Мартен: Martin 2003, 175–191.

³⁸ *LI. II. 1. 18 (Chind.); II. 2. 7 (Chind.); II. 4. 5 (Chind.).*

³⁹ *LI. V. 4. 19 (Chind.; De non alienandis privatorum et curialium rebus).*

⁴⁰ *LI. XII. 3. 2 (Erwig.); XII. 3. 25 (Erwig.); XII. 3. 26 (Erwig.); XII. 3. 27 (Erwig.); XII. 8. 12 (Erwig.).*

⁴¹ См., например, *Conc. Tolet. III (a. 589). Can. 16; Conc. Tolet. VI (a. 638). Can. 7.*

⁴² О статусе и функциях этих магистратов см. Isid. *Etym. IX. 4. 19; LI. XII. 1. 2 (Recc.).* См. также Sánchez-Albornoz 1971, 34–35, 60–61.

⁴³ *LI. XII. 1. 2 (Recc.).*

судя по содержанию рассматриваемой нормы, именно «народ» выступал в данном случае в качестве слабой стороны, нуждавшейся в поддержке со стороны короля-законодателя, в частности потому что мандата гражданского общества оказывалось явно недостаточно для защиты народных избранников от вымогательства со стороны назначенных королем и комитом города местных судей (что бы в данном случае ни понималось под *iudex*).

На этом фоне епископ, обладавший все более широкими полномочиями и значительной духовной властью над паствой, в качестве защитника мира и порядка на местах выглядел фигурой более предпочтительной. Тем более что практика передачи должностному лицу права действовать вместо гражданского коллектива (но в его интересах) была вполне обычной и для римской эпохи. Политический опыт античности дает немало соотносимых моделей организации власти: от передачи императору полномочий народа посредством «царского закона»⁴⁴ до прямого вмешательства императора или патронов местных гражданских общин в выборы местных магистратов и *сооптатио* корпуса декурионов (естественно, мотивированного общей пользой горожан и их высшими интересами)⁴⁵. Эти замечания тем ближе к обсуждаемой проблематике, что не только в VI в., но и в первой половине VII в. *de facto* епископ все еще во многом воспринимался как муниципальный магистрат, избираемый народом и/или клиром, во многом занявший место уходящего в прошлое сословия куриалов в системе муниципального управления.

Попытки отодвинуть народ от выборов архиерея предпринимались неоднократно, в частности постановлением II Бракарского собора (572 г.), которое пыталось сделать эту функцию монопольным правом епископов соответствующей провинции. Согласно этой норме архиереи должны были совершать не только рукоположение епископа в сан (*ordinatio*), но и его выборы (*electio*)⁴⁶. Следует, однако, напомнить, что Бракарская провинция как в римское, так и в свевско-вестготское время оставалась относительно мало урбанизированным регионом с менее прочными, чем в Южной Испании (римской Бетике), традициями муниципального управления⁴⁷. В то же время уроженец испанского Юга, Исидор Севильский, председательствовавший на созванном по его инициативе IV Толедском соборе (633 г.) более чем через 60 лет после II Бракарского собора, вновь подтвердил требование избрания епископа народом (*populo*) и клиром соответствующего города. И хотя одновременно предусматривалось одобрение такого избрания епископом главного города провинции (митрополитом) с согласия всех ее епископов, тем не менее само по себе стремление севильского прелата сохранить право паствы (*populus*) участвовать в выборах своих епископов представляется очевидным⁴⁸.

Этот фактический статус епископа как высшего (а с определенного момента также и единственного и пожизненного) магистрата в городе подтверждается еще и тем, что закон Речесвинта, впоследствии измененный и дополненный

⁴⁴ *Deo auctore*, 7: *lege antiqua, quae regia nuncupabatur, omne ius omnisque potestas populi Romani in imperatoriam translata sunt potestatem.*

⁴⁵ Curchin 1990, 26, 65–66, 78–80.

⁴⁶ *Conc. Bracc.* II (a. 572). Can. 1–2 (*Vives et al.* 1963, 86).

⁴⁷ См., например, об этом Kulikowski 2010, 9, 35, 71, 188.

⁴⁸ *Conc. Tolet.* IV (a. 633). Can. 19.

Эрвигием⁴⁹, предоставил ему право смещать *iudices* в случаях их злоупотреблений своей властью. О том же, но уже применительно к другому аспекту статуса епископа как преемника традиции римских магистратов, свидетельствует и введенное законом короля Вамбы (672–680) от 23 декабря 675 г. наказание архиереев за присвоение ими части собранных платежей с церковного имущества (*rei taxatio*) под предлогом истечения 30-летнего срока давности владения этим имуществом, ранее полученным от верующих в качестве дарения. Речь шла о запрете присваивать средства, предназначенные для использования в интересах общины-епархии, в частности для содержания мужских и женских монастырей⁵⁰. Тем самым нарушались нормы 7 и 22 канонов Агдского собора (506 г.), распространявшие на церковные владения принцип неотчуждаемости, ранее действовавший применительно к недвижимому имуществу городских общин⁵¹.

Очевидно, что ближе к концу VII в., по мере исчезновения муниципальных владений и слияния их остатков с недвижимым имуществом Церкви, именно епископы окончательно брали в свои руки то, что осталось от обязанностей, ранее исполнявшихся магистратами-нумерариями в фискальной сфере. Напомню, что именно с этой сферой Исидор Севильский вполне обоснованно связывал как функции последних, так и (что еще важнее) главное предназначение муниципальных учреждений⁵². И эту характеристику следует распространить на всю область административной и судебной деятельности в пределах *territorium*, где ближе к концу VII в. епископ действовал не только наряду с комитом, представляющим в городе королевскую власть⁵³, но и самостоятельно⁵⁴, все более уверенно рассматривая свои властные полномочия в пределах хоры как прямое продолжение растущей пастьерской власти над городом. Соответственно, уже в начале VI в. епископы воспринимали население округа как неотъемлемую часть своей паствы⁵⁵ наряду с горожанами; это сохранялось и в дальнейшем. К концу же VII в. (судя, в частности, по законодательству короля Эрвигия) *territorium* окончательно обрело выраженный церковный характер и стало обозначением загородной территории епархии как места служения клира⁵⁶.

4. TERRITORIUM И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РИМСКОЙ И ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ ДО НАЧАЛА VIII в.

В качестве еще одного важного аспекта преемственности *territorium* вестготского времени с античными муниципальными учреждениями следует выделить его связь с провинциальной организацией Вестготского королевства, все еще сохранявшей ключевые характеристики территориально-административного деления

⁴⁹ *LI*. II. 18 (Recc.).

⁵⁰ *LI*. IV. 5. 6 (Wamba).

⁵¹ *Conc. Agath.* (a. 506). Can. 7, 22 (Martínez Díez, Rodríguez 1984, 123, 129).

⁵² *Isid. Etym.* IX. 4. 19; 21; 22; *Diff.* I. 338 (371).

⁵³ *LI*. IX. 1. 21 (Egica).

⁵⁴ *LI*. VI. 5. 13 (Recc.); III. 5. 4 (Chind.); II. 1. 30 (Ervig.); XII. 3. 20 (Ervig.).

⁵⁵ См., например, обращение отцов II Толедского собора к христианам Паленсии: *Conc. Tolet.* II (a. 527) (*Vives et al.* 1963, 46).

⁵⁶ *LI*. XII. 3. 26 (Ervig.). См. также Lauwers 2008, 23–65; Poveda Arias 2019, 9–24.

римского времени⁵⁷. Пожалуй, особенно ярко эта черта проявляется в документе, изданном королем Леовигильдом в апреле 572 г. и адресованном епископу Аквилину⁵⁸, где речь идет о дарении соответствующей кафедре 50 солидов из доходов королевского фиска с владений прелата в пределах territoria Тарраконской провинции. Очевидно, что в данном случае вестготский король, именуемый «Флавием», выступает в качестве преемника римских императоров в той же мере, в какой его фиск обладает преемственностью по отношению к императорскому фиску⁵⁹. Судя по данным королевского законодательства конца VI–VII вв., отмеченная тенденция сохранялась и при преемниках Леовигильда, вплоть до конца VII столетия, а возможно, даже до начала VIII в. включительно⁶⁰. Ту же картину фиксируют и постановления толедских соборов, как провинциальных, так и поместных (общегосударственных)⁶¹.

Отмеченная выше связь провинциального деления вестготской эпохи с системой провинций римского времени достаточно четко прослеживается и на уровне понятий. В частности, помимо деления провинций на муниципальные округа, сохранялись и следы римских судебных округов—conventus, учрежденных в период Ранней империи и применительно к испанским провинциям фигурирующих, в частности, в соборных постановлениях завершающего периода истории Поздней империи (конец IV – конец V вв.)⁶². Этот термин, пусть и в несколько ином значении⁶³, мы и спустя столетие встречаем как в «Этимологиях» Исидора Севильского (который, среди прочего, обращал внимание на связь conventus и territorium муниципия⁶⁴), так и в канонах соборов второй трети VII в. Правда, в последних conventus упоминаются уже в связи с церковной администрацией, обозначая область, на которую распространяется юрисдикция епископа или митрополита⁶⁵, т.е. епархию. Так, например, в 35-м каноне IV Толедского собора, регламентирующем спорные права епископств на принадлежность вновь построенного храма (базилики), conventus как территория юрисдикции епископа

⁵⁷ Martin 2003, 72–82.

⁵⁸ Аквилин, упоминаемый в постановлениях III Толедского собора (589 г.), был епископом Аусы (современный Вик). См. García Moreno 1974b, 201.

⁵⁹ См., например, *Chart. Visigoth. d'Asán*. Doc. 3 (07.04.572).

⁶⁰ См., например, *LI. IX. 2. 8* (Wamba, Ervig.); XII. 1. 2 (Recc.); XII. 3. 20 (Ervig.).

⁶¹ *Conc. Tolet. XII* (a. 681). Can. 9.

⁶² В самом конце IV в. в постановлениях I Толедского собора мы видим conventus еще именно в этом смысле: *Conc. Tolet. I* (a. 397/400); *Conc. Tolet. II* (a. 527) (Vives et al. 1963, 19, 50).

⁶³ Isid. *Etym.* XV. 2. 11: Vici et castella et pagi hi sunt qui nulla dignitate civitatis ornantur, sed vulgari hominum conventu incoluntur, et propter parvitatem sui maioribus civitatibus adtribuuntur.

⁶⁴ Isid. *Etym.* XV. 15. 1: Maiores itaque orbem in partibus, partes in provinciis, provincias in regionibus, regiones in locis, loca in territoriis, territoria in agris, agros in centuriis, centurias in iugeribus, iugera in climatibus, deinde climata in actus, perticas, passus, gradus, cubitos, pedes, palmos, uncias et digitos dividerunt.

⁶⁵ См., например, *Conc. Tolet. X* (a. 656) (Vives et al. 1963, 321); *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 53.

(*episcorum... cuius conventus...*) обозначается также и словом *territorium*⁶⁶. Последнее особенно явно подчеркивает факт преемственности церковной общиной традиций общины муниципальной как на уровне понятийной системы, так и в части функций по организации локального сообщества, переживавшего процесс глубокой внутренней перестройки.

Разумеется, такого рода преемственность не являлась исключительно региональной особенностью: она в полной мере отражала давно и хорошо изученную в литературе общую тенденцию эволюции территориально-административной системы Западной Римской империи в период после падения императорской власти⁶⁷. Среди прочего, в связи с этим возникает ощущение, что и упоминаемые в 36-м каноне IV Толедского собора пасторские поездки епископов по сельским приходам (*parochiis*) их епархий в той или иной мере продолжали практику объезда наместниками вверенных им провинций Римской империи⁶⁸.

5. СХОДЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КАК ЭЛЕМЕНТ «ГЕОГРАФИИ ВЛАСТИ» В ПРЕДЕЛАХ TERRITORIUM

В отличие от должностных лиц, облеченных административными, судебными и фискальными функциями, — комитов, *iudices*, *sagiones* и др., — появившихся в испанских городах в IV–V вв. и не связанных по своему статусу и характеру полномочий с гражданскими традициями античности, а также от епископов, которые, взяв на себя ряд значимых функций муниципальных магистратов, на протяжении VI–VIII вв. практически утратили черты сходства с последними, с исчезновением упоминаний о куриалах именно собрания горожан и жителей округа, начиная с середины VII в., в наибольшей степени продолжали традиции муниципального прошлого.

Собрания и всякого рода сходы стали единственной формой (по меньшей мере косвенного) участия жителей города и его округа в системе власти на местах. Эти сходы не следует смешивать с *comitia* — народными собраниями граждан муниципиев, состав, полномочия и процедура проведения которых применительно к римской Испании известны нам в первую очередь по данным муниципальных законов эпохи Ранней империи. В противоположность *comitia*, отличавшимся высоким уровнем организации и достаточно четкой процедурой⁶⁹, сходы (*conventus*, *coetus*) характеризовались неоднородным составом, менее четкой организацией и происходили по конкретным поводам (*ad hoc*).

Применительно к римской эпохе к числу таких сходов-*conventus* относились так называемые *conventus iuridici* (собрания в провинциальных городах в дни судебных заседаний, назначенные наместником), постоянные объединения римских граждан (*conventus civium Romanorum*), собрания членов коллегий

⁶⁶ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 35. Об использовании *conventus* как синонима епархии (в позднейшем значении) см., например, Martínez Diéz 1959, 62–63; Lauwers 2008, 31; Mazel 2016; Poveda Arias 2019, 11.

⁶⁷ См., например, Jones 1964, 875–880.

⁶⁸ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 36. Cp. *D. 1. 16. 7* (*Ulp. 2 de off. procons.*)

⁶⁹ См., например, *Lex Imitana. LII* (*De comitiis habendis*). 29–42; LI; LIII–LVIII; LX; LXXXII (González, Crawford 1986).

(*conventus collegii*)⁷⁰, судебные заседания (объединявшие истца и ответчика, судью, судебных представителей, свидетелей сторон и других лиц)⁷¹. Кроме того, в правовых текстах римского времени слово *conventus*, сближаясь по значению со сходкой-*coetus*, могло описывать состав правонарушения и относиться к толпе, собравшейся для шумного поношения и брани (*convicium*)⁷² или даже для организации волнений или мятежа (*crimen maiestatis*)⁷³.

При всех различиях эти разнородные сходы и собрания отличала очевидная публичность происходящего, отражение коллективного принципа принятия решений, свойственного, античному политикуму вообще и полисной жизни в частности. Наконец, нельзя не упомянуть и еще об одном значении глагола *convenire* и его производных (*conventiones*, *paeta conventa*). Ульпиан пишет: «Слово *conventio* имеет общий смысл и относится ко всему, о чем соглашаются ведущие друг с другом дела в целях заключения сделки или мирового соглашения: как говорится *convenire* о тех, кто собираются и сходятся из разных мест в одно место, так это слово прилагается и к тем, которые соглашаются об одном и том же, исходя из различных побуждений души [т.е. сходятся в одном решении]» (пер. А.Л. Смышляева, И.С. Перетерского)⁷⁴. Правда, по словам того же Ульпиана, такие соглашения (*conventiones*) носили частноправовой характер и не могли отменять действия публично-правовых норм⁷⁵.

Все эти сходы-собрания составляли важную часть гражданской жизни, неся в себе и осуществляя свойственный античной муниципальной организации принцип коллективного принятия решений: даже вынесенные немногими, такие решения должны были обязательно обсуждаться и оглашаться публично.

Многообразие видов собраний-*conventus* фиксируется и в позднеримской литературе, а затем и в литературе вестготского времени, прежде всего в «Этимологиях» Исидора Севильского. Последний, прямо продолжая мысли римских юристов о значении слова *conventus*, рассматривает его в одном ряду с другими близкими по значению (*coetus*, *concilium*), обозначающими собрание в самом широком смысле, как путь к достижению соглашения⁷⁶. Исходя из этого,

⁷⁰ Berger 1953, 416.

⁷¹ Отсюда – использование глагола *convenire* для обозначения факта привлечения к суду (Berger 1953, 416).

⁷² *D.* 47. 10. 15 (Ulp. 77 *ad ed.*): (4) *Convicium autem dicitur vel a concitatione vel a conventu, hoc est a collatione vocum. Cum enim in unum complures voces conferuntur, convicium appellatur quasi convocium. (12) Sive unus sive plures dixerint, quod in coetu dictum est, convicium est: quod autem non in coetu nec vociferatione dicitur, convicium non proprie dicitur, sed infamandi causa dictum.*

⁷³ *D.* 48. 4. 1. 1 (Ulp. 7 *de off. procons.*): *locave occupentur vel templa, quove coetus conventusve fiat.*

⁷⁴ *D.* 2. 14. 1. 3 (Ulp. 4 *ad ed.*): *Conventionis verbum generale est ad omnia pertinens, de quibus negotii contrahendi transigendique causa consentiunt qui inter se agunt: nam sicuti convenire dicuntur qui ex diversis locis in unum locum colliguntur et veniunt, ita et qui ex diversis animi motibus in unum consentiunt, id est in unam sententiam decurrunt.*

⁷⁵ *D.* 50. 17. 45. 1 (Ulp. 30 *ad ed.*): *Privatorum conventio iuri publico non derogat.*

⁷⁶ Isid. *Etym.* VI. 16. 13: *Coetus vero conventus est vel congregatio, a coeundo, id est conveniendo in unum. Unde et conventum est nuncupatum, sicut conventus coetus vel concilium, a societate multorum in unum.*

conventus и производные применяются севильским епископом для обозначения судебных собраний⁷⁷, сходок еретиков⁷⁸ или философов⁷⁹, собрания женщин в гинекее для обработки шерсти⁸⁰, совокупности присутствующих на состязании (certamen), что (на первый взгляд, довольно неожиданно) превращает conventus в синоним понятия agon⁸¹.

Однако в контексте настоящего исследования наиболее существенным выглядит замечание Исидора о conventus как собраниях населения сельских округов — пагов⁸². О цели, для которой созывались такого рода собрания, говорят данные королевского законодательства: они обеспечивали публичность (отсюда часто встречающееся в текстах уточнение: publice⁸³) процессуальных действий, прямо или косвенно связанных с судебной сферой. В числе таковых можно назвать чистосердечное признание перед лицом соседей (vicini)⁸⁴ или опознание беглого раба в их же присутствии⁸⁵.

В большинстве же случаев речь идет о приведении в действие приговоров местных судов в присутствии собравшихся, как правило, людей невысокого социального положения. О последнем говорят, в частности, факты наказания в таких собраниях не только свободных, но и рабов, действовавших заодно со свободными⁸⁶. Среди прочего упоминаются наказания бичеванием и/или взиманием судебных штрафов, применявшиеся к лицам, признанным виновными в проституции⁸⁷, краже⁸⁸ (в том числе скота⁸⁹), соучастии в групповом убийстве⁹⁰, грабеже домов военнообязанных в процессе созыва войска в поход⁹¹, дезертирстве, взятничестве (за что наказывали на рыночной площади: in conventu mercantium)⁹²,

⁷⁷ Isid. *Etym.* X. 64: Circumforanus, qui advocacionum causa circum fora et conventus vagatur.

⁷⁸ Isid. *Etym.* VIII. 1. 1: conventicula haereticorum.

⁷⁹ Isid. *Etym.* VIII. 6. 6: (philosophi... habentes... nomina... alii a locis conventiculorum et stationum suarum, ut Peripatetici, Stoici, Academici.

⁸⁰ Isid. *Etym.* XV. 6. 3: Gynaecium Graece dictum eo quod ibi conventus feminarum ad opus lanificii exercendum conveniat.

⁸¹ Isid. *Etym.* XVIII. 25: Quae Latine certamina, Graeci AGONAS vocant, a frequentia qua celebrabantur. Siquidem et omnem coetum atque conventum agona dici.

⁸² Isid. *Etym.* XV. 2. 15: Conpita sunt ubi usus est conventus fieri rusticorum; et dicta conpita quod loca multa in agris eodem competant; et quo convenitur a rusticis. См. также замечание Исидора о conventus как совокупности жителей сельского округа или поселения (vicus, castellum): Isid. *Etym.* XV. 2. 11; 14–15.

⁸³ См., например, *LI.* VII. 4. 7 (Antiqua).

⁸⁴ *LI.* VIII. 4. 14 (Antiqua); VIII. 5. 6 (Recc.).

⁸⁵ *LI.* IX. 1. 8 (Ervig.).

⁸⁶ *LI.* VII. 2. 6 (Antiqua); VIII. 1. 3 (Antiqua). Скорее всего, несвободными являлись также «созывающие войско» (compulsores exercitus), наказывавшиеся в собрании-conventus по обвинению в грабеже домов военнообязанных (см. *LI.* IX. 2. 2 (Antiqua)).

⁸⁷ *LI.* III. 4. 17 (Antiqua).

⁸⁸ *LI.* VII. 2. 6 (Antiqua).

⁸⁹ *LI.* VIII. 4. 14 (Antiqua).

⁹⁰ *LI.* VIII. 1. 3 (Antiqua).

⁹¹ *LI.* IX. 2. 2 (Antiqua).

⁹² *LI.* IX. 2. 4 (Antiqua).

посягательстве на жизнь и имущество лица, укрывшегося в церкви⁹³, повторном переходе из христианства в иудаизм (по отношению к крещеным евреям)⁹⁴, колдовстве⁹⁵, а также неумышленном присвоении приплода чужого скота⁹⁶.

6. «СОСЕДИ» (VICINI) – УЧАСТНИКИ МЕСТНЫХ СХОДОВ РИМСКОГО И ВЕСТГОТСКОГО ВРЕМЕНИ

На основе приведенных данных следует констатировать: основной характеристикой сходо-*conventus* сельских жителей (а при необходимости – и какой-то части горожан) была локальность, предполагавшая личное знакомство собравшихся друг с другом как жителей одной местности; отсюда – возникающее однажды, но отнюдь не обязательное упоминание о земляках или соседях (*vicini*) – жителях сельских поселений-*vicī*⁹⁷. Значительная часть упоминаний о лицах этой категории применительно к римскому времени предсказуемо связана с сервитутами, прямо затрагивающими интересы соседей. Среди прочего, это хорошо видно в текстах памятников римского права императорской эпохи – в Институциях⁹⁸ и Дигестах⁹⁹, Кодексе Юстиниана¹⁰⁰. Помимо сервитутов, фигурируют и иные казусы, связанные с правами соседства. Так, например, Институции Юстиниана регламентируют отношения между соседями при предоставлении в аренду волов для производства сельскохозяйственных работ (*I. III. 24. 2*), а также порядок предъявления вещного иска относительно нарушения или установления права прохода и прогона через участок соседа, проведения воды с земли соседа (*I. IV. 6. 2*) и т.п.

В целом казусы такого рода хорошо известны и не нуждаются в детальной интерпретации. Однако в контексте проблематики настоящего исследования следует обратить особое внимание на отраженные в источниках классического римского права случаи привлечения соседей к совершению юридических процедур, обусловленные самим фактом соседства и проистекающей из него осведомленности о конкретной правовой ситуации. В частности, участие соседей в качестве свидетелей при решении отдельных вопросов гражданско- и уголовно-правового характера предусматривали римский юрист Ульпиан¹⁰¹, а также конституции ряда императоров, вошедшие в состав кодексов Феодосия¹⁰² и Юстиниана¹⁰³. Близок по характеру казус, фигурирующий в конституции императора Константина, сохранившейся

⁹³ *LI. IX. 3. 3* (*Antiqua*).

⁹⁴ *LI. XII. 2. 14* (*Sisebut.*).

⁹⁵ *LI. VI. 2. 4* (*Chind.*).

⁹⁶ *LI. VIII. 5. 6* (*Recc.*).

⁹⁷ См., например, *Isid. Etym. XV. 13. 9*. Выводя из слова *vicus* само понятие *vicinus* (*XV. 2. 22*), Исидор подчеркивает сельский характер таких поселений (*XV. 2. 11–12*).

⁹⁸ См., например, *I. II. 3. 1*; *II. 3. 4*.

⁹⁹ См., например, *D. 7. 6. 2* (*Pomp. 5 ad Sab.*); *8. 1. 15* (*Pomp. 33 ad Sab.*); *8. 2. 8* (*Gai. 7 ad ed. provinc.*), etc.

¹⁰⁰ См., например, *C. III. 34. 6* (a. 269, *Claudius*); *III. 34. 9* (a. 293, *Diocletianus et Maximianus*).

¹⁰¹ *D. 1. 6. 6* (*Ulp. 9 ad Sab.*).

¹⁰² См., например, *CTh. III. 1. 2. 1* [= *Brev. III. 1. 2*] (04.02.337, *Const.*).

¹⁰³ См., например, *C. III. 53. 31* (a. 478, *Zeno*).

в Бревиарии Алариха в позднейшей интерпретации: законодатель требует призывать соседей на помощь в случае нападения грабителя¹⁰⁴. Наконец, в ряде случаев прямо предполагается согласие соседей (*vicinorum consensus*) на совершение отдельных правовых действий (порой — вместе с согласием магистратов)¹⁰⁵.

Аналогичным или похожим образом королевское законодательство вестготского времени (в отличие от соборных постановлений, в которых соседи-*vicini* не фигурируют вообще) упоминает об этой категории населения в случаях, обусловленных особой значимостью самого факта соседства, что отражалось, в частности, в хозяйственной сфере. Главным образом, речь идет о вторжении домашних животных (в том числе, отличавшихся агрессивным поведением и представлявших опасность не только для имущества, но и для здоровья или даже жизни людей) на участок соседа, а также юридических последствиях этого происшествия¹⁰⁶. Кроме того, встречается вполне ожидаемый в этом контексте казус, связанный с земельными спорами между владельцами соседних участков¹⁰⁷. Наконец, к той же группе следует отнести предъявляемое законодателем требование учитывать интересы соседей в процессе охоты (в частности, при устройстве ловушек, волчьих ям, постановке капканов и т.п.)¹⁰⁸.

Еще более красноречивыми представляются положения, регламентирующие случаи привлечения соседей к совершению юридических процедур. Соответствующие нормы хотя и не идентичны, но явно созвучны тем, которые фигурируют в памятниках классического римского права. В частности, вестготское королевское законодательство предусматривало привлечение соседей для оценки ущерба, нанесенного травой, притом что решение о возмещении ущерба принималось местным судьей¹⁰⁹. В присутствии соседей следовало восстанавливать случайно нарушенные в процессе проведения сельскохозяйственных работ межевые знаки¹¹⁰. Наконец, именно в собрании соседей (*in conventu publico vicinorum*) следовало объявлять об обнаружении скота, потерянного его владельцем; впрочем, этот акт можно было провести и в других местах, также обеспечивавших публичность происходящего, а именно — перед лицом епископа, комита (представителя короля в городе), местного судьи, а также неких старшин (*senioribus*) соответствующего места¹¹¹.

Последнее, среди прочего, свидетельствует о том, что собрание *vicinorum* являлось не самостоятельным, а дополнительным элементом системы власти. Строго говоря, о том же самом говорит и ряд других положений, содержащихся в вестготском королевском законодательстве. Во-первых, очевидно отсутствие у сообщества соседей собственных должностных лиц: фигурирующие в законах местные

¹⁰⁴ *CTh.* IX. 24. 1. 2 [= *Brev.* IX. 19. 1. 2] (01.04.320, Const.).

¹⁰⁵ См., например, *C.* III. 39. 2 (а. 294, Diocletianus et Maximianus); VIII. 10. 3 (а. 224, Alexander [Severus]).

¹⁰⁶ *LI.* VIII. 3. 13 (Antiqua); 4. 16 (Antiqua); 4. 17 (Antiqua); 5. 4 (Antiqua); 3. 16 (Antiqua).

¹⁰⁷ *LI.* II. 4. 10 (Recc.).

¹⁰⁸ *LI.* VIII. 4. 23 (Antiqua).

¹⁰⁹ *LI.* VIII. 3. 15 (Antiqua).

¹¹⁰ *LI.* X. 3. 2 (Antiqua).

¹¹¹ *LI.* VIII. 5. 6 (Antiqua).

старшины (*seniores loci*, *priores loci*), в частности, представляющие землевладельца управляющие-вилики и «всякого рода предводители» (*prepositis quibuscumque*), при решении конкретных дел (например, при выдвижении обвинения в укрывательстве беглого раба) упоминаются в источниках наряду с соседями и ни в коей мере не представляют их интересов¹¹². Во-вторых, показательно отсутствие в среде соседей чего-либо напоминающего круговую поруку, т.е. одного из классических признаков сельской общины в ее традиционном понимании¹¹³: законодатель специально подчеркивает, что за совершенные преступления каждый отвечает самостоятельно: «ни брат за брата, ни сосед за соседа, ни сородич за сородича» (и т.п.)¹¹⁴. В-третьих, статус соседа (*vicinus*) вовсе не предполагал автоматически личную свободу. Так, например, регламентируя круг присутствующих у постели больного в момент кровопускания с целью контроля над действиями лекаря, закон короля Эрвигия ставит на один уровень свидетельства родственников и/или соседей с показаниями «достойных» (*idoneis*) рабов и рабынь¹¹⁵.

7. РАССЕЛЕНИЕ ВАРВАРОВ В ПРЕДЕЛАХ TERRITORIUM И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ.
 КОНЦЕПЦИЯ «СОСЕДСКОЙ ОБЩИНЫ» В ВЕСТГОТСКОЙ ИСПАНИИ
 КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ

Существующие в литературе интерпретации категории соседства в большинстве случаев связывают ее с институтом так называемой соседской общины. Применительно к истории вестготской Испании речь идет в первую очередь о концептуальных построениях историков-германистов XIX–XX вв., полностью (Э.Т. Гаупп, А. фон Гальбан, Р. Кётчке, А. Допш)¹¹⁶ или с определенными оговорками (прежде всего Ф. Данн¹¹⁷) отождествлявшими *vicini* вестготского времени с варварами-поселенцами эпохи Великого переселения народов, будто бы принесшими на территорию испанских провинций империи формы аграрного коллективизма, изначально свойственные образу жизни древних германцев. Испанские и португальские ученые второй половины XIX – первой половины XX в., испытавшие определенное влияние германистских теорий, были несколько более осторожны в своих выводах и придерживались концепции романо-германского синтеза, но и они были согласны с тезисом о явном преобладании варварских начал. Э. Перес Пужоль¹¹⁸, Э. де Инохоса¹¹⁹, М. Торрес Лопес¹²⁰, Т. де Соуза Соареш¹²¹ и К. Санчес-Альборнос¹²² не считали, что *vicini* латинских текстов вестгот-

¹¹² *LI. IX. 1. 8 (Antiqua)*. О *seniores loci* (*priores loci*) как магнатах см. Хронику Иоанна Бикларийского (Campos 1960, 85).

¹¹³ См., например, Sobestianskiy 1888, 49.

¹¹⁴ *LI. VI. 1. 7 (Antiqua)*.

¹¹⁵ *LI. XI. 1. 1 (Ervig.)*.

¹¹⁶ Об отождествлении *vicini* с переселенцами-варварами см., например, Halban 1899, 165–166; Torres López 1926, 402–421.

¹¹⁷ Dahn 1871, 306–320.

¹¹⁸ Pérez Pujol 1896, 187–188, 316–318.

¹¹⁹ Hinojosa y Naveros 1903, 7–8.

¹²⁰ Torres López 1926.

¹²¹ De Souza Soares 1941, 73–75.

¹²² Sánchez-Albornoz 1971, 90–100.

ского времени исключительно или по преимуществу являлись лицами варварского происхождения. Однако в своих трактовках характера «соседства», собраний «соседей» и «соседских» общин эти ученые неизменно подчеркивали германские истоки этих учреждений.

Разумеется, идеи такого рода были генетически связаны с концепциями более общего характера, согласно которым социальной основой древнегерманских обществ к началу Великого переселения народов являлись объединенные в сельские общины простые свободные воины-земледельцы, на которых опиралась военно-политическая организация варварской эпохи, действовавшая согласно принципам военной демократии¹²³. В современной науке представления такого рода признаны устаревшими, в том числе применительно к истории вестготов, общество которых уже в IV в. характеризовалось четко выраженной социальной дифференциацией и развитыми отношениями личной зависимости¹²⁴.

Эти тенденции в полной мере проявились в период расселения вестготов на территории Римской империи, особенно в Юго-Западной Галлии и Испании. Тот факт, что процесс расселения не имел ничего общего с крестьянской колонизацией (о которой историки писали начиная с середины XIX в.¹²⁵ и до второй половины XX столетия), исчерпывающе доказан в литературе последних десятилетий. К настоящему времени установлено, что варвары-гости (*hospites*: *CodEur.* 276. 3) размещались на землях Юго-Западной Галлии и Испании на основе принципов римской *hospitalitas* (системы расквартирования войск, утвердившейся во второй половине IV в.), причем изначальная модель отношений гостей и гостеприимцев классической эпохи в процессе расселения претерпела существенные изменения.

Отдельные черты этой модели своеобразного военного гостеприимства до сих пор остаются объектом дискуссий¹²⁶. Тем не менее в главном современные исследователи едины: основными действующими лицами процесса колонизации стали вовсе не простые свободные варвары-земледельцы, а знать и видные воины, осуществлявшие свои функции на профессиональной основе. Последние получили в свое распоряжение значительные земельные владения из фондов общественных земель, ранее принадлежавших городам-муниципиям и императорскому фиску, либо доли собиравшейся с них поземельной подати (*annona*), две трети от ежегодных сборов которой перешли в распоряжение готов, освобожденных (в отличие

¹²³ См., например, Maurer 1880, 351–352; Engels 1961b, 134–155; Neusykhin 1929, 195–216; Korsunskiy 1963, 23–28.

¹²⁴ Wolfram 2003, 154.

¹²⁵ О варварской колонизации как процессе расселения простых свободных воинов-земледельцев см. Gaupp 1844, 372–414; Lot 1928, 975–1011.

¹²⁶ Основная дискуссия касается вопроса о том, вызвал ли проведенный варварскими правителями переворот изменения в реальной структуре землевладения (Д. Клауде, Л. Гарсия Морено, Х. Сиван, С. Барниш, Г. Холсол и др.) или же он затронул исключительно сферу распределения обязательств фискального характера и соответствующих налоговых поступлений (Ж. Дюрлиа, У. Гоффарт, Х. Вольфрам и др.). См. Goffart 1980, 162–175; Durliat 1982, 67–77; García Moreno 1983, 137–175; Barnish 1986, 170–195; Sivan 1987, 759–772; Claude 1988, 13–16; Wolfram 1997, 112–116; Halsall 2007, 441–443; Young 2018, 715–737.

от испано-романского населения) от ее уплаты в обмен на обязательство несения военной службы. Соответственно, что бы ни понималось в источниках под «готскими долями» (*sortes Gothicae*), их получателями (собственно, *Gothi*) являлись вовсе не «простые свободные», а представители новой наследственной военной элиты, вместе с которыми, на правах клиентов, размещались их зависимые люди (*sa(g)iones*¹²⁷, *bucellarii*¹²⁸, *servi*¹²⁹, *clientes*, *uernili*¹³⁰), в том числе сопровождавшие своих патронов в военных походах¹³¹.

В то же время оставшаяся треть анноны (так называемая *tertia Romanorum*) по-прежнему возлагалась на римлян и в пределах границ *territorium* собиралась муниципальными магистратами под имущественные гарантии куриалов. Именно для выполнения этой функции имущество галло- и испано-римских землевладельцев не было (или почти не было) затронуто имущественными изменениями, порожденными расселением варваров: земельные владения остались во власти той части испано-римлян, кто гарантировал своими доходами поступления в королевскую казну, занявшую место казны императорской¹³².

Более того, как убедительно показала Р. Санс Серрано, римская верхушка сыграла значительную роль в регулировании процесса расселения варваров на местах, основным инструментом которого стали соглашения (*pacta*, *paces*) между римскими и варварскими элитами. Формы таких соглашений следовали традиционным для испано-римского общества моделям, утвердившимся на Пиренейском полуострове еще на рубеже новой эры и сохранявшим значение до конца римской эпохи¹³³. Сопоставимость статуса знатных испано-римлян и варваров, вошедших в число *vicini* на правах новой элиты, подтверждается и позднейшим королевским законодательством, в котором получили развитие соответствующие положения эдикта короля Эвриха¹³⁴. С учетом сказанного, институт соседства следует рассматривать как несомненно римский по происхождению, не изменивший своего характера и в эпоху Великого переселения народов.

¹²⁷ *CodEur.* 311; *LI.* II. 1. 16 (Recc.; *Ervig.*); II. 1. 18 (Recc.; *Chind.*); II. 1. 24 (Recc.; *Ervig.*); II. 2. 4 (Recc.; *Chind.*); II. 2. 5 (*Chind.*); II. 2. 10 (*Egica*); V. 3. 2 (*Antiqua*); VI. 1. 4 (*Chind.*); VI. 1. 4 (*Ervig.*); X. 2. 5 (*Chind.*).

¹²⁸ *CodEur.* 310; *LI.* V. 3. 1 (*Antiqua*). Общие сведения см. D'Ors 1960, 242–244.

¹²⁹ Показательна, в частности, норма эдикта Эвриха, касающаяся власти мужа над зависимыми людьми (*servi*) жены и захваченной с их помощью военной добычей (*CodEur.* 323).

¹³⁰ В качестве примера можно привести надпись на могильной плите некоего магната Оппилы: *Vives* 1969. No. 287 (a. 642).

¹³¹ Примеры, приведенные выше, не являются исключением. См., например, об этом *Sanz Serrano* 1986, 225–264.

¹³² *Wolfram* 2003, 318–322.

¹³³ *Sanz Serrano* 2013, 209–228. Договорная фиксация отношений гостеприимства представлена в обширном эпиграфическом материале (*tesserae*, *tabulae*), происходящем из разных районов римской Испании. См., например, *Salinas de Frías* 1983, 21–41; *Rodríguez Neila*, *Santero Santurino* 1982, 105–163; *Balbín Chamorro* 2006, 207–235; *Melchor Gil* 2017, 35–58 и др.

¹³⁴ *LI.* X. 1. 8 (*Antiqua*). Ср. *CodEur.* 277.

Наконец, в качестве отдельного доказательства отсутствия института сельской общины как в (поздне)римской, так и в продолжавшей ее историю вестготской Испании следует указать на специфику отношений землевладения: фактора, на который традиционно обращали внимание сторонники общинных концепций социальной организации сельского населения доиндустриальной эпохи¹³⁵. Упоминания о соседях (*vicini*), владельцах расположенных по соседству земельных участков (*consortes*), в контексте отношений, обусловленных владельческими правами на земли сельскохозяйственного назначения, никогда не сопровождаются указаниями на регулирование этих прав со стороны каких-либо учреждений, соотносимых по характеру с сельской общиной.

Действительно, вопреки устоявшимся представлениям¹³⁶, сам по себе факт присутствия в правовых текстах вестготского времени слова *consortes* и его производных (в первую очередь, *consortium*, отнюдь не редко фигурирующего в соборных постановлениях конца IV–VII вв.) не может рассматриваться в качестве неопровержимого свидетельства существования общинного строя. *Consortes*¹³⁷ вестготского королевского законодательства – это и сообщники при совершении кражи, и совладельцы общего раба¹³⁸ либо иного (и вовсе необязательно недвижимого) имущества¹³⁹, а *consortium*, при ближайшем рассмотрении, оказывается почти любым сообществом (вплоть до семейного союза мужа и жены), но никогда – объединением земледельцев (или землевладельцев)¹⁴⁰. В тех же относительно немногих случаях, когда под *consortes* (но не *consortium*) действительно понимаются владельцы соседних участков пахотной земли или леса, сам по себе факт такого соседства вовсе не доказывает существования каких-либо хотя бы теоретически связанных с общиной внешних ограничений владельческих прав, не предусмотренных нормами римского права применительно к частному владению.

Так, вполне предсказуемым является свободный выпас скота одного соседа на участке другого, если этот участок не имеет ограждения и тем самым признается общим (*communis*). При этом «общность» касается только двух упомянутых *consortes*, но вовсе не других лиц¹⁴¹. Столь же естественным (и вовсе не связанным с фактом наличия или отсутствия общины) следует признать требование уведомлять совладельца участка земли (но лишь его одного) о желании построить на своей части дом или заложить виноградник. При этом ничего не говорится об урегулировании

¹³⁵ См., например, Maurer 1880, 1; Engels 1961a, 327–345; 1961b, 139–141. См. также Kovalevskiy 1879; Korsunskiy 1969, 45–50.

¹³⁶ См., например, Korsunskiy 1969, 45–46.

¹³⁷ *LI. VII. 1. 3 (Antiqua)*.

¹³⁸ *LI. V. 7. 2 (Antiqua)*.

¹³⁹ *LI. X. 1. 3 (Antiqua); X. 1. 4 (Chind.)*.

¹⁴⁰ «*coniugis... consortium*» (*Conc. Tolet. XII (a. 681). Can. 8*). При ближайшем рассмотрении оказывается, что это понятие вообще не связывается законодателем с поземельными отношениями. См. *Conc. Tolet. I (a. 397–400). Can. 12 (Vives et al. 1963, 29, 32); Conc. Tolet. II (a. 527). Can. 3, 4; Conc. Tolet. III (a. 589). Can. 5 (Vives et al. 1963, 110); Conc. Tolet. IV (a. 633). Can. 42, 43, 59, 60, 61, 62 (Vives et al. 1963, 219, 221); Conc. Tolet. V (a. 636). Can. 3; Conc. Tolet. VI (a. 638). Can. 8; Conc. Tolet. VII (a. 646) (Vives et al. 1963, 251); Conc. Tolet. VIII (a. 653) (Vives et al. 1963, 296); Conc. Tolet. XVI (a. 693). Can. 10.*

¹⁴¹ *LI. VIII. 5. 5 (Antiqua)*.

возможного конфликта с участием кого-либо, кроме двух названных совладельцев земли¹⁴². Упомянутый в другом законе факт совладения участком дубового леса, на который выпускаются свиньи для свободного выпаса, вовсе не предполагает, что этот участок относится к общинным угодьям; наоборот, из текста хорошо видно, что речь идет о тяжбе двух лиц: *unus ab alio*¹⁴³. Кроме того, в другом месте судебного документа прямо говорится о том, что участки леса подлежат такому же разделу между владельцами, как и пахотные земли¹⁴⁴, а сам по себе раздел сопровождается установлением межевых знаков — естественно, в присутствии свидетелей и с согласия владельцев соседних участков, подтвержденного клятвой¹⁴⁵.

Наиболее показательной, однако, представляется норма, согласно которой процесс разграничения соседних участков должен был осуществляться при обязательном присутствии соседей: очевидно, для того, чтобы случайно или намеренно не прирезать хозяину одного из участков части соседской земли¹⁴⁶. Эта процедура не требует комментариев: причины ее проведения вполне ясны. Интересно другое: альтернативой присутствию свидетелей и соседей является привлечение податного инспектора (*inspector*), должностного лица, представляющего короля или наместника провинции, но вовсе не общину. Статус и функции этого чиновника, унаследованные от эпохи Поздней империи, хорошо известны по материалам императорского законодательства¹⁴⁷. При этом в сохранившейся части кодекса Феодосия таких упоминаний несравнимо больше, чем в кодексе Юстиниана, что позволяет рассматривать институт *inspectores* уже применительно к VI в. как архаичный и даже постепенно исчезающий.

Последнее наблюдение подтверждается и материалами вестготского судебного документа, где *inspector* фигурирует крайне редко: помимо рассмотренного закона *LI. X. 3. 5 (Antiqua)*, ранняя версия которого датируется периодом не позднее середины 470-х годов (поскольку он имеет параллель в эдикте Эвриха: *CodEur. 276.5*), этот институт упоминается лишь в одном законе Рецесвинта (649 (652)—672), где речь также идет о межевых знаках, в данном случае — об обоснованности мест их установления, удостоверяемых в присутствии податных инспекторов¹⁴⁸. Этот последний закон явно имел несохранившийся более ранний прототип: титул *LI. X. 3*, в который он входит, состоит лишь из ранних законов (*Antiqua*), датированных периодом не позднее 580-х годов, а по большей части — даже более ранним

¹⁴² *LI. X. 1. 6 (Antiqua Emendata)*.

¹⁴³ *LI. VIII. 5. 3 (Antiqua)*.

¹⁴⁴ *LI. X. 1. 8 (Antiqua)*; *LI. X. 1. 14 (Antiqua)*.

¹⁴⁵ *LI. X. 1. 14 (Antiqua)*.

¹⁴⁶ *LI. X. 3. 5 (Antiqua)*.

¹⁴⁷ См. в кодексе Феодосия: *CTh. VII. 19. 1. 3 (20.07.399, Arcad., Honor.)*; *X. 3. 7. 1 (14.05.417, Honor., Theod.)*; *XI. 1. 31 (31.01.412, Honor., Theod.)*; *XI. 1. 33 (29.02.412, Honor., Theod.)*; *XI. 20. 5 pr. (13.10.424, Theodos. II)*; *XI. 20. 6 pr. (31.12 (?).430, Theodos. I, Valentin. III)*; *XI. 28. 2 (24.05.395, Arcad., Honor.)*; титул *CTh. XIII. 11*, в частности *XIII. 11. 4 (03.04.393, Theodos. I, Arcad., Honor.)*; *XIII. 11. 10 (05.04.399, Arcad., Honor.)*; *XIII. 11. 13 (06.06.412, Honor., Theod. II)*; *XV. 7. 1 (11.02.371 [367], Valentin. I, Valens, Gratian.)*. См. также в кодексе Юстиниана *C.X. 16. 12 (15.10.424, Theodos. II)*; титул *C. XI. 58 (=CTh. XIII. 11)*.

¹⁴⁸ *LI. X. 3. 4 (Recc.)*.

временем. В связи с этим, по крайней мере на уровне гипотезы, можно предположить, что временем правления Рецесвинта датируется не издание нового, а редакция ранее уже существовавшего закона, занявшая место последнего в «Книге приговоров» (Вестготской правде).

Этот факт весьма важен для нас уже потому, что не только титул *LI. X. 3*, посвященный установлению и проверке межевых знаков, но и вся десятая книга вестготского судебника целиком, все три ее титула, преимущественно регламентирующие различные вопросы землеустройства, состоят главным образом из «древних» законов¹⁴⁹, датируемых периодом ранее 580-х годов и по большей части восходящих к позднеимским нормам. Исследование, проведенное А. д'Орсом, позволяет существенно конкретизировать последнее замечание: десятая книга вестготского судебника явно восходит к 23-му титулу эдикта Эвриха (ок. 475 г.), в свою очередь выстроенному по модели позднеимского эдикта префекта претория¹⁵⁰.

Вывод о сохранении римских принципов землеустройства и, шире, организации сельской жизни в границах *territorium* римского времени можно уверенно распространить и на сделанные выше замечания относительно отсутствия следов общинного строя. Следовательно, и сходы сельских жителей (*conventus*), о которых шла речь выше, также сохранили свой изначальный – римский – характер в эпоху, последовавшую за расселением варваров в V в.

8. СХОДЫ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ TERRITORIUM ДО И ПОСЛЕ ЭПОХИ РАССЕЛЕНИЯ ВАРВАРОВ

Последнее замечание вовсе не отрицает того, что в варварской среде в эпоху Великого переселения народов существовала собственная традиция собраний сельских жителей. Немногочисленные источники готского происхождения упоминают о деревенских собраниях (*garuns*) и сходках (*gagumþs*, *gamainþs*). То немногое, что (если верить выводам Х. Вольфрама¹⁵¹) известно об этих собраниях, прежде всего – о доминирующей роли в них сельской верхушки, вносящей предложения, руководившей принятием решений и непосредственно их исполнявшей, напоминает некоторые испанские реалии времен Раннего и Высокого Средневековья.

Тем не менее, все имеющиеся в моем распоряжении данные свидетельствуют о невозможности прямой связи между этим готским институтом и римскими сельскими собраниями-*conventus*. Внешнее же сходство следует объяснять не прямым влиянием традиции варварского социума на позднеимский (признаков чего в данном случае не прослеживается), а принадлежностью обеих традиций к единой типологической общности. Дело в том, что собрания описанного типа имеют многочисленные параллели в традиционных обществах самого разного

¹⁴⁹ *LI. X. 1*: 15 законов из 19, за исключением 1. 4 (Chind.); 1. 17 (Chind.); 1. 18 (Recc.); 1. 19 (Recc.). *LI. X. 2*: три закона из шести, за исключением 2. 4 (Recc./Egica); 2. 5 (Chind./Egica); 2. 6 (Recc.). *LI. X. 3*: один закон из пяти: 3. 4 (Recc.). Таким образом, из 30 законов десятой книги к числу «древних» относятся 22.

¹⁵⁰ D'Ors 1960, 2–3, 173–184.

¹⁵¹ Wolfram 2003, 154.

времени, существовавших в разных (часто — весьма отдаленных друг от друга) регионах мира¹⁵². Общую причину этого сходства, как представляется, следует искать в свойственной доиндустриальной эпохе относительной слабости институтов власти на местах, неспособных широко использовать прямое принуждение для исполнения принятых решений. Отсюда — вынужденный учет мнения тех, кого непосредственно касались эти решения — родственников, знакомых и земляков осужденных, их соседей и т.п.

Таким образом, нет никаких оснований сомневаться в том, что собрания *vicinorum*, фигурирующие в источниках вестготского времени, были прямым продолжением традиции сходов сельского населения *territorium* римской эпохи. Более того, в условиях, сложившихся после расселения варваров, они не только не исчезли, но и получили дополнительный стимул, определивший их сохранение в новый исторический период. Речь идет о роли христианства, влияние которого на образ жизни позднеантичного мира неуклонно возрастало, на что обращается значительное внимание в литературе последних десятилетий¹⁵³. Соответственно, новое содержание получали и древние традиции коллективного участия населения — не только городского, но и сельского (как свободного, так и зависимого) — в процессе принятия решений. В христианской системе ценностей и социальной практике последнее должно было осуществляться подчас немногими, но обязательно публично, в собрании, в соответствии с принципами соборности, *de facto* продолжавшими в этом аспекте определенные традиции муниципальной жизни римского времени.

Разумеется, в первую очередь эти принципы проявлялись в деятельности церковных соборов, в первую очередь IV Толедского собора (633 г.), происходившего под председательством самого Исидора Севильского¹⁵⁴, постановления которого определили многие ключевые аспекты не только церковной, но и политической системы, просуществовавшей до конца истории Толедского королевства вестготов, а отчасти и дольше. Так, например, небрежность епископов, следствием которой были отказ от своевременного созыва соборов и склонность архиереев к единоличному решению вопросов дисциплины духовенства, рассматривается в соборных постановлениях как грубое нарушение действующих норм¹⁵⁵.

В другом каноне, установившем регламент проведения толедских соборов, собравшиеся недвусмысленно подчеркивают, что норма канонического права приобретает законную силу лишь в том случае, если она утверждена общим постановлением (*deliberatione communi*), принятым (и подписанным) всеми епископами без исключения. Соответственно, ни один прелат не может раньше времени удалиться из «общего собрания» (*a coetu communi*), ведь только при наличии кворума достигается незримое присутствие Господа среди собравшихся¹⁵⁶. Наиболее же показательным представляется содержание 75-го канона постановлений того

¹⁵² См. о них, например, Karasev 2016, 15 и др.

¹⁵³ См., например, Zurutuza, Botalla 2010, 665–678.

¹⁵⁴ О значении постановлений IV Толедского собора в истории Толедского королевства см., например, Orlandis Rovira, Ramos-Lisson 1986, 261–298.

¹⁵⁵ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 3.

¹⁵⁶ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 4.

же собора, который утверждает порядок избрания нового короля исключительно *concilio communi* знати и епископата королевства во имя сохранения единства и согласия (*unitatis concordia*) общества и во избежание прямого насилия¹⁵⁷.

Показательно и место *conventus* в понятийной системе постановлений толедских соборов: в полном соответствии со сказанным выше, им обозначаются различные сообщества и собрания христиан: от вселенской христианской общины¹⁵⁸ (от которой, среди прочего, отлучают того, кто признан грешником¹⁵⁹) до схода верующих, собравшихся в храме для совершения богослужения либо с иной целью¹⁶⁰, сообщества духовных лиц в противовес дворцовым служащим¹⁶¹, собрания крещеных иудеев¹⁶² и т.п. Но, конечно, в первую очередь (49 из 59 упоминаний) речь идет о церковных соборах¹⁶³. Близкие значения слова *conventus* (пусть и несколько реже) фиксируются и в королевском законодательстве, что вполне ожидаемо, если принять во внимание тесную связь королевского законодательства и канонического права в правовой системе Толедского королевства, где соборные постановления становились обязательными для светских судов путем принятия особого королевского закона. Так, в одном из законов короля Рецевинта *conventus* используется при описании отлучения преступника от Церкви, тогда как в законе Эрвигия под этим словом понимается церковный собор¹⁶⁴.

Представляется, что собрания местных жителей, происходившие в пределах *territorium* вестготского времени, обозначались в текстах тем же понятием *conventus*, поскольку по своему характеру в определенной степени соотносились с социальными практиками, получившими отражение в текстах церковного происхождения. Следовательно, и сохранение термина *territorium* до самого конца эпохи Толедского королевства следует объяснять далеко не только внутренними закономерностями развития и воспроизводства понятийной системы. Исходя из этого, продолжение традиции собраний-*conventus* в условиях кризиса, распада и перерождения позднеримских муниципальных институтов можно объяснить двумя основными причинами.

Во-первых, влиянием христианства с его представлениями о роли коллектива и коллективного (говоря на языке Церкви – соборного) начала организации

¹⁵⁷ *Conc. Tolet. IV* (a. 633). Can. 75.

¹⁵⁸ *Conc. Tolet. III* (a. 589) (Vives et al. 1963, 147).

¹⁵⁹ *Conc. Tolet. XVI* (a. 693). Can. 9; *Conc. Tolet. X* (a. 656). Can. 7; *Conc. Tolet. XII* (a. 681). Can. 3.

¹⁶⁰ *Conc. Tolet. XII* (a. 681). Can. 3; *Conc. Tolet. XVI* (a. 693). Can. 7.

¹⁶¹ *Conc. Tolet. XIII* (a. 683). Can. 2.

¹⁶² *Conc. Tolet. IX* (a. 655). Can. 17. См. также в королевском законодательстве: *LI. XII. 3. 28* (Ervig.).

¹⁶³ *Conc. Tolet. VII* (a. 646). Can. 1; *Conc. Tolet. VIII* (a. 653). Can. 11 (Vives et al. 1963, 260, 262, 265, 266, 292); *Conc. Tolet. IX* (a. 655). can. 17 (Vives et al. 1963, 306); *Conc. Tolet. X* (a. 656) (Vives et al. 1963, 308, 319, 320, 322); *Conc. Tolet. XI* (a. 675). Can. 1, 16 (Vives et al. 1963, 344, 345); *Conc. Tolet. XII* (a. 681). Can. 1, 3 (Vives et al. 1963, 380, 382); *Conc. Tolet. XIII* (a. 683). Can. 3, 10 (Vives et al. 1963, 411–412, 437–438); *Conc. Tolet. XIV* (a. 684). Can. 4; *Conc. Tolet. XVI* (a. 693). Can. 1, 6, 8, 10 (Vives et al. 1963, 482, 483, 496, 514, 515); *Conc. Tolet. XVII* (a. 694). Can. 5, 8 (Vives et al. 1963, 522, 524, 537).

¹⁶⁴ *LI. XII. 2. 15* (Recc.); *XII. 1. 3* (Ervig.); *XII. 1. 3* (Ervig.).

общества, реализовавшимися как на уровне ценностей, так и в социальной практике. Во-вторых, не меньшую (а возможно, и большую) роль сыграл фактор своего рода социальной инерции, механического воспроизводства привычных элементов образа жизни в границах territorium, сельской округи городов Испании, в исследуемый период. Частью этих инерционных процессов стало, как представляется, и сохранение как самого понятия territorium, так и связанных с ним явлений социального и правового характера, прежде всего — самой категории vicinitas и сходов соседей.

По существу, речь идет о рудиментах гражданской жизни римского времени, унаследованных (и развитых применительно к новым условиям) следующей исторической эпохой. В связи с этим показательным представляется и то, что эти сходы созывались должностными лицами (iudices, saiones), статус и функции которых пусть и не были связаны с муниципальной организацией stricto sensu, однако стали неотъемлемой частью системы управления городом во второй трети V в., т.е. еще в тот период, когда испано-римский социум сохранял явно выраженный античный характер.

Сохранение всех перечисленных реалий и связанной с ними понятийной системы в последующую историческую эпоху вплоть до XIII в. и даже позднее обеспечило континуитет системы управления на местах и форм участия населения в системе принятия решений на локальном уровне. Однако в последнем случае речь идет уже о другой проблеме, которая должна стать объектом отдельного исследования.

Литература / References

- Arce, J. 2017: *Esperando a los árabes: los visigodos en Hispania (507–711)*. Madrid.
- Asso y del Rio, I.J. de, Manuel y Rodríguez, M. de 1771: *Instituciones del Derecho Civil de Castilla*. Madrid.
- Balbín Chamorro, P. 2006: Ius hospitii y ius civitatis. *Gerión. Revista de Historia Antigua* 24/1, 207–235.
- Barnish, S.J.B. 1986: Taxation, Land and Barbarian Settlement in the Western Empire. *Papers of the British School in Rome* 54, 170–195.
- Berger, A. 1953: *Encyclopedic Dictionary of Roman Law*. Philadelphia.
- Birkin, M. Yu. 2020: *Episkop v vestgot'skoy Ispanii [Bishop in the Visigothic Spain]*. Saint Petersburg.
- Биркин, М.Ю. *Епископ в вестготской Испании*. СПб.
- Brown, P. 1971: *The World of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad*. London.
- Campos, J. (ed.) 1960: *Juan de Biclara, obispo de Gerona, su vida y su obra*. Madrid, 1960.
- Claude, D. 1988: Zur Ansiedlung barbarischen Förderaten in der ersten Hälfte des 5. Jahrhunderts. In: W. Herwig, S. Andreas (Hrsg.), *Anerkennung und Integration: zu den wirtschaftlichen Grundlagen der Völkerwanderungszeit 400–600; Berichte des Symposiums der Kommission für Frühmittelalterforschung, 7. bis 9. Mai 1986 Stift Zwettl, Niederösterreich*. Wien, 13–16.
- Collins, R. 2005: *La España visigoda, 409–711*. Barcelona.
- Curchin, L.A. 1985: 'Vici' and 'pagi' in Roman Spain. *Revue des Études Anciennes* 87/3–4, 327–343.
- Curchin, L.A. 1990: *The Local Magistrates of Roman Spain*. Toronto–Buffalo–London.
- Dahn, F. 1871: *Die Könige der Germanen. Das Wesen des ältesten Königthums der germanischen Stämme und seine Geschichte bis auf die Feudalzeit. 6. Abtheilung: Die Verfassung der Westgothen. Das Reich der Sueven in Spanien*. Würzburg.
- Díaz, P.C. 2000: City and Territory in Hispania in Late Antiquity. In: G.P. Brogiolo, N. Gauthier, N. Christie (eds.), *Towns and Their Territories Between Late Antiquity and the Early Middle Ages*. Leiden–Boston–Köln, 3–35.
- Díaz Martínez, P.C., Martínez Maza, C., Sanz Huesma, F.J. 2007: *Hispania tardoantigua y visigoda*. Madrid.

- D'Ors, A. 1960: *El Código de Eurico. Edición, palinogenesia, índices*. Roma—Madrid.
- Durliat, J. 1982: Du caput antique au manse médiéval. *Pallas. Revue d'études antiques* 29, 67–77.
- Engels, F. 1961a: [Marx]. In: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya [Collected Works]*. Vol. 19. Moscow, 327–345.
Энгельс, Ф. Маркс. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*. Т. 19. М., 327–345.
- Engels, F. 1961b: [Origin of the Family, Private Property and State. In Connection with the L.G. Morgan's Studies]. In: K. Marx, F. Engels, *Sochineniya [Collected Works]*. Vol. 21. Moscow, 23–178.
Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс, *Сочинения*. Т. 21. М., 23–178.
- García Moreno, L.A. 1974a: *Prosopografía del reino visigodo de Toledo*. Salamanca,.
- García Moreno, L.A. 1974b: Estudios sobre la organización administrativa del reino visigodo de Toledo. *Anuario de Historia del Derecho Español* 44, 5–156.
- García Moreno, L.A. 1983: El término “sors” y relacionados en el ‘Liber Iudicum’. De nuevo al problema de la división de las tierras entre godos y provinciales. *Anuario de Historia del Derecho Español* 53, 137–175.
- García Moreno, L.A. 1989: *Historia de España visigoda*. Madrid.
- García Moreno, L.A. 1999: La ciudad en la Antigüedad tardía (siglos V al VII). In: L.A. García Moreno, S. Rascón Marqués (eds.), *Complutum y las ciudades hispanas en la antigüedad tardía: actas del I Encuentro Hispania en la Antigüedad Tardía: Alcalá de Henares 16 de octubre de 1996*. Alcalá de Henares, 7–23.
- Gaupp, E. Th. 1844: *Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches in ihrer völkerrechtlichen Eigenthümlichkeit und mit Rücksicht auf verwandte Erscheinungen der alten Welt und des späteren Mittelalters dargestellt*. Breslau.
- Goffart, W.A. 1980: *Barbarians and Romans, A.D. 418–584*. Princeton.
- González, J., Crawford, M.H. 1986: The Lex Irnitana: A New Copy of the Flavian Municipal Law. *Journal of Roman Studies* 76, 147–243.
- Halban, A. 1899: *Das römische Recht in den germanischen Volksstaaten*. Breslau.
- Halsall, G. 2007: *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568*. Cambridge.
- Herculano, A. 1875: *Historia de Portugal. Desde o começo da Monarchia ate ao fim do Reinado de Affonso III*. Vol. 7. Paris—Lisboa.
- Herculano, A. 1911: Carta ao “Jornal do Commercio”. In: A. Herculano, *Cartas*. T.I. Rio de Janeiro, 186–193.
- Hinojosa y Naveros, E. 1903: Origen del régimen municipal en León y Castilla. In: E. Hinojosa y Naveros (ed.), *Estudios sobre la Historia del Derecho español*. Madrid, 5–70.
- Jones, A.H.M. 1964: *The Later Roman Empire, 284–602. A Social Economic and Administrative Survey*. Vol. 1. Oxford.
- Karasev, D. Yu. 2016: [Historical Sociology of Michael Mann]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]* 19/4 (87), 5–23.
Карасев, Д. Ю. Историческая социология власти Майкла Манна. *Журнал социологии и социальной антропологии* 19/4 (87), 5–23.
- Korsunskiy, A.R. 1963: *Obrazovanie rannefeodal'nogo gosudarstva v Zapadnoy Evrope [Formation of the Early Feudal State in the Western Europe]*. Moscow.
Корсунский, А. Р. *Образование раннефеодального государства в Западной Европе*. М.
- Korsunskiy, A.R. 1969: *Gotskaya Ispaniya. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii [Gothic Spain. Essay on Social-Economical and Political History]*. Moscow.
Корсунский, А. Р. *Готская Испания. Очерки социально-экономической и политической истории*. М.
- Kovalevskiy, M.M. 1879: *Obshchinnoe zemlevladienie. Prichiny, khod i posledstviya ego razlozheniya [Communal Land Ownership. Causes, Evolution and Consequences of Its Decay]*. Pt. 1. Moscow.
Ковалевский, М. М. *Общинное землевладение. Причины, ход и последствия его разложения*. Ч. 1. М.
- Krinitzyna, E.S. (=Marey, E.S.) 2010: ['Iudex' in the Works of Isidor of Seville: from a Judge to the Judge]. In: G.A. Popova (ed.), *Pravo v srednevekovom mire [Law in Medieval World]*. Moscow, 8–27.
Криницына, Е. С. (=Марей, Е. С.). Iudex в произведениях Исидора Севильского: от судьи к Судии. В сб.: Г. А. Попова (ред.), *Право в средневековом мире*. М., 8–27.

- Kulikowski, M. 2010: *Late Roman Spain and Its Cities*. Baltimore.
- Lauwers, M. 2008: "Territorium non facere diocesim". Conflicts, limites et représentation territoriale du diocèse (V^e–XIIIe siècle). In: F. Mazel (éd.), *L'espace du diocèse dans l'Occident médiéval (V^e–XIIIe siècle)*. Rennes, 23–65.
- Lot, F. 1928: Du régime de l'hospitalité. *Revue belge de philologie et d'histoire* 7/3, 975–1011.
- Marongiu, A. 1953: Un momento típico de la monarquía medieval: el Rey Juez. *Anuario de Historia del Derecho Español* 23, 677–715.
- Martí, R. 1995: Territoria en transició al Pirineu medieval (segles V–X). In: *La vida medieval als dos vessants del Pirineu, III. 3r curs d'Arqueologia d'Andorra, 30.09–04.10.1991*. Andorra la Vella, 37–83.
- Martin, C. 2003: *La géographie du pouvoir dans l'Espagne visigothique*. Villeneuve d'Ascq.
- Martin, C., Larrea Conde, J.J. (eds.) 2021: *Nouvelles chartes visigothiques du monastère pyrénéen d'Asán*. Bordeaux.
- Martínez Díez, G. 1959: El patrimonio eclesiástico en la España visigoda: estudio histórico-jurídico. *Miscelánea Comillas: Revista de Ciencias Humanas y Sociales* 17 (32), 5–200.
- Martínez Díez, G., Rodríguez, F. (eds.) 1984: *La Colección Canónica Hispana. IV. Concilios Galos. Concilios Hispanos: primera parte*. Madrid.
- Maurer, G.L. 1880: *Vvedenie v istoriyu obshchinnogo, podvornogo, sel'skogo i gorodskogo ustroystva i obshchestvennoy vlasti* [Introduction to the History of the Communal, Household, Rural and Public Power]. Moscow.
Маурер, Г.Л. *Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти*. М.
- Mazel, F. 2016: *L'Evêque et le territoire. L'invention médiévale de l'espace (V^e–XIIIe siècle)*. Paris.
- Melchor Gil, E. 2017: Los orígenes del patronato cívico en las provincias hispanas: desde Gneo Pompeyo Magno al triunviro Marco Emilio Lépido. *Rivista storica dell'Antichità* 47, 35–58.
- Neusykhnin, A.I. 1929: *Obshchestvennyy stroy drevnikh germantsev* [Social System of Ancient Germanic Peoples]. Moscow.
Неусыхин, А.И. *Общественный строй древних германцев*. М.
- Orlandis Rovira, J., Ramos-Lisson, D. 1986: *Historia de los concilios de la España romana y visigoda*. Pamplona.
- Pérez Pujol, E. 1896: *Historia de las instituciones sociales de la España goda*. Vol. II. Valencia.
- Poveda Arias, P. 2019: La diócesis episcopal en la Hispania visigoda: concepción, construcción y disputas por su territorio. *Hispania Sacra* 71 (143), 9–24.
- Rodríguez Gutiérrez, O. 2019: Urbanization of the Iberian Peninsula during the Roman Period: Choices, Impositions and "Resignation" of the Newcomers. In: L. de Ligt, J. Bintliff (eds.), *Regional Urban Systems in the Roman World, 150 BCE – 250 CE*. Boston–Leiden, 158–187.
- Rodríguez Neila, J.F., Santero Santurino, J.M. 1982: "Hospitium" y "patronatus" sobre una tabla de bronce de Cañete de la Torres (Cordoba). *Habis* 13, 105–163.
- Salinas de Frías, M. 1983: La función del hospitium y la clientela en la conquista y romanización de Celtiberia. *Studia historica. Historia antigua* 1, 21–41.
- Salvador Ventura, F. 1990: Ciudad y campo en Hispania Meridional durante los siglos VI y VIII. *Florentia iliberritana. Revista de la antigüedad clásica* 1, 409–422.
- Sánchez-Albornoz, C. 1965: El gobierno de las ciudades de España del siglo V al X. In: C. Sánchez-Albornoz, *Estudios sobre las instituciones medievales españolas*. México, 615–637.
- Sánchez-Albornoz, C. 1966: *Despoblación y repoblación del Valle del Duero*. Buenos Aires.
- Sánchez-Albornoz, C. 1971: Ruina y extinción del municipio romano en España e instituciones que le reemplazan. In: C. Sánchez-Albornoz (ed.), *Estudios visigodos*. Roma, 9–147.
- Sanz Serrano, R. 1986: Aproximación al estudio de los ejércitos privados en Hispania durante la Antigüedad tardía. *Gerión. Revista de Historia Antigua* 4, 225–264.
- Sanz Serrano, R. 2009: *Historia de los godos. Una epopeya histórica de Escandinavia a Toledo*. Madrid.
- Sanz Serrano, R. 2013: Tempus barbaricum. Las migraciones bárbaras en la Península Ibérica en el siglo V d.C. In: F. Olivera, J.L. Lopes Brandão, V. Gil Mantas, R. Sanz Serrano (eds.), *A queda de Roma e o alvorecer da Europa*. Coimbra, 209–228.
- Sivan, H. 1987: On 'foederati', 'hospitalitas', and the Settlement of the Goths in A.D. 418. *American Journal of Philology* 108/4, 759–772.

- Sobestianskiy, I.M. 1888: *Krugovaya poruka u slavyan po drevnim pamyatnikam ikh zakonodatel'stva* [*Mutual Responsibility in Slavonic Society Ancient Monuments According to Slavonic Legislation*]. Kharkiv.
- Собестианский, И.М. *Круговая порука у славян по древним памятникам их законодательства*. Харьков.
- Souza Soares, T. de 1941: Notas para o estudo das instituições municipais da Reconquista. *Revista Portuguesa de História* 1, 71–92.
- Torrent, A. 2017: La política municipalista Flavia en Hispania: el edicto de Vespasiano universae Hispaniae Latium tribuit; la Epístula de Domiciano promulgadora de la Lex Irnitana. *Revista Internacional de Derecho Romano* 19, 153–242.
- Torres López, M. 1926: El Estado visigótico. Algunos datos sobre su formación y principios fundamentales de su organización política. *Anuario de Historia del Derecho Español* 3, 307–475.
- Vives, J. 1969: *Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda*. 2ª ed. Barcelona.
- Vives, J., Marín Martínez, T., Martínez Diéz, G. (eds.) 1963: *Concilios visigóticos y hispano-romanos*. Barcelona–Madrid.
- Wolfram, H. 1997: *The Roman Empire and Its Germanic Peoples*. Berkeley.
- Wolfram, H. 2003: *Goty. Ot istokov do serediny VI veka (opyt istoricheskoy etnografii)* [*The Goths. From the Origins to the Middle of the 6th Century (an Experience of Historical Ethnography)*]. Saint-Petersburg.
- Вольфрам, Х. *Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии)*. СПб.
- Young, A.T. 2018: Hospitalitas: Barbarian Settlements and Constitutional Foundations of Medieval Europe. *Journal of Institutional Economics* 14/4, 715–737.
- Yurchik, E.E., Volosyuk, O.V., Choubarian, A.O., Vedyushkin, V.A. (eds.) 2014: *Istoriya Ispanii. Ot Voyny za Ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka* [*History of Spain. From the War of the Spanish Succession to the Beginning of the 21st Century*]. Vol. II. Moscow.
- Юрчик, Е.Э., Волосяк, О.В., Чубарьян, А.О., Ведюшкин, В.А. (ред.). *История Испании. От Войны за Испанское наследство до начала XXI века*. Т. 2. М.
- Zeumer, K. (ed.) 1902: *Leges Visigothorum*. (Monumenta Germaniae historica. Legum section I. Leges nationum Germanicarum. Tomus I). Hannoverae–Lipsiae.
- Zurutuza, H.A., Botalla, H. 2010: “Vivere iuxta regulam”: prácticas sociales y modelos culturales cristianos. In: P. Delogu, S. Gasparri (eds.), *Le trasformazioni del V secolo. L'Italia, i barbari e l'Occidente romano. Atti del Seminario di Poggibonsi, 18–20 ottobre 2007*. Turnhout, 665–678.